

КРИМИНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ

Переход к советскому периоду в истории Северного Кавказа, как и в других частях России, сопровождался параличом власти. Региональная особенность заключалась, пожалуй, в том, что здесь сразу же широкий размах получил бандитизм, базирующийся на овеянном историческими традициями набеговом промысле.

Первое время среди местной интеллигенции царила революционная эйфория, которая была особенно заметна в выступлениях на различных митингах и съездах. На открывшемся 1 мая 1917 г. во Владикавказе съезде горцев Северного Кавказа и Дагестана звучали призывы забыть былые распри, которые якобы являлись следствием политики свергнутого режима. Под это подводились соответствующие исторические обоснования, в которых звучали заявления, что на земли горцев «налетели алчные банды русских обществ и небольшого числа коллаборационистов» [1, 43] (слова из приветствия к съезду председателя Временного ЦК объединенных горцев Басията Абаевича Шаханова, адвоката из Владикавказа, которое перевели на чеченский и кумыкский языки. Бросается в глаза, что среди «измученных» царским самодержавием борцов за права горцев было немало людей, получивших высшее образование при «проклятом режиме»). Враг, таким образом, приобретал вполне определенные этнические черты.

Говоря о царской, но фактически подразумевая русскую власть, новоявленные горские лидеры соотносили с ней все проблемы, которые имелись в регионе. Даже горские обычаи, связанные с отношением к воровству, со слов депутатов, были следствием российского влияния. Так, в отчете секции по борьбе с бандитизмом и разбоями на Кавказе говорилось, что «на Кавказе, особенно Северном, воровству и разбоям препятствовал главным образом обычай, согласно которому не должно было причиняться зло соплеменникам (недоносительство), а также существование кровной мести. Эти нравы еще сохраняются в некоторых районах Северного Кавказа и объясняется это политикой окраинной администрации, препятствующей или замалчивающей положительное у туземцев, сея тем самым вражду между племенами» [1, 103]. Но при таких заявлениях обратим внимание на то, что меры, предлагаемые в борьбе с грабежами, напоминают шаги имперской администрации — аресты, коллективная ответственность за нанесенный набегчиком ущерб и т.п.

Первое время лидеры казаков стремились дистанцироваться от действий свергнутой власти. Они надеялись договориться с горскими лидерами, видимо, предполагая, что те обладают реальными рычагами воздействия на своих соплеменников. Так, войсковой атаман Терского казачества М.А. Караулов в своей приветственной речи на

первом съезде горских народов Северного Кавказа и Дагестана заявил, что «казаки больше не будут вмешиваться в ваши вопросы. Теперь они решили заниматься только своей судьбой, и я надеюсь, что в учредительном съезде мы будем идти вместе с вами, горцы» [1, 49]. Но оказалось, что без государства казачество не способно противостоять горской стихии с ее возродившейся набеговой экспансией.

Вследствие массовых разбоев жители многих станиц вынуждены были навсегда покинуть родные места [2, 279]. Действия бандитов приводили к запустению целые города, как это стало, к примеру, с Хасавюртом [3, 316]. Новоявленные «набежчики» не обременяли себя идеологическим обоснованием причины грабежа. Их «жертвами становились все без исключения: и ничего не требовавшие от соседних народов горские евреи, и замкнуто жившие в отдаленных местностях последователи секты меннонитов, и многие, многие другие» [4, 54].

Оказавшись под ударом шаек абреков, местное славянское и немецкое население искало защиту у возвращающихся с фронта солдат. Как отмечали современники, на Тереке фронтовиков встречали с хлебом-солью и просили «чтобы они помогли разбить чеченцев» [5, 94]. Обращает на себя внимание тот факт, что в глазах обывателей разницы между чеченцами, занимающимися грабежами и не участвующими в разбое, не было. Можно предположить, что участие в возродившемся набеговом промысле приняла значительная часть населения. Кроме того, их соплеменники, которые не желали, да и не могли пресечь подобную деятельность, в глазах жертв выглядели как соучастники, достойные наказания.

В конце июля 1917 г. чеченцами был уничтожен хутор Сорохтиновский. Повергся обстрелу пассажирский поезд, проходивший через станцию Джалка. В свою очередь казаки станиц Карабулакской, Троицкой, Слепцовой устроили нападения на ингушские селения, а ингуши сожгли станицу Фельдмаршальскую [6, 154]. Признаком «своего» была этническая принадлежность, а «революционный антураж подобных разбойничьих набегов — часто дело рук историографов Гражданской войны» [6, 155].

Пока в дело не вмешивались «тяжеловесы» в лице Красной или Белой армий, военные возможности сторон были в целом паритетными. Не без сарказма противостояние описывал начальник Туземного конного корпуса П.А. Половцев: «Картина борьбы между ними получается такая. Обыкновенно в воскресенье казаки, подвыпив... выкатывают пушку и начинают угощать шрапнелью ингушские аулы, а затем мирно заваливаются спать. В понедельник ингуши проводят мобилизацию, переходят в энергичную контратаку на казаков, вторник идет война, а в среду заключается перемирие... В четверг происходят дипломатические переговоры, в пятницу заключается мир, в субботу разъезжаются после торжественных клятв... а в воскресенье вся история начинается снова» [6, 154-155].

Однако в дальнейшем появляются не столь «забавные» картины. Ожесточенные бои, развернувшиеся на Тереке, сопровождались жертвами и разрушениями с обеих сторон. Яркие и драматичные страницы этого противостояния оставил М.А. Булгаков в рассказе «Необыкновенные приключения доктора» [7, 155-160].

Исследователи отмечают, что «специфической чертой данного перио-

да было резкое обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Национально-религиозный фактор был катализатором насилия, определял векторы и интенсивность Гражданской войны в регионе, стал основополагающей движущей силой революционной смуты и гражданской войны» [8, 47].

По мере обострения политического противостояния на Северном Кавказе каждая из противоборствующих сторон стремилась рекрутировать в свои ряды новых сторонников, создавая из них вооруженные силы. В Дагестане к лету 1918 г. наибольших успехов на этом поприще добились большевики. Их конкуренты в лице Н. Гоцинского и Горского правительства пытались опереться на аварское ополчение и лелеяли надежды на помощь со стороны турок. Общим, пожалуй, для всех соперников было отсутствие дисциплины в отрядах, которые в любой момент могли бросить опостылевшую службу и разойтись по домам [6, 105, 108]. Возглавлявший недолго просуществовавшее Терско-Дагестанское правительство атаман Караулов для борьбы с «большевизированными» солдатами раздавал оружие чеченцам, рассчитывая, что они станут нападать на составы, возвращавшиеся в Россию с Кавказского фронта. За это поплатился жизнью не только он сам, но и многие казаки, против которых в итоге повернули это оружие [8, 50].

Внутренняя смута осложнялась иностранным вмешательством. Турки, несмотря на свое тяжелое положение на фронтах мировой войны, не оставляли попыток укрепиться на Северном Кавказе. Здесь у них было немало сторонников. Религиозная близость априори вызывала симпатию у части местной элиты. Даже будущие большевики, такие как чеченец Асланбек Джемалдино-

вич Шерипов, балкарец Магомет Алиевич Энеев, плотно контактировали с представителями турецких властей, впрочем быстро разочаровавшись в их планах относительно народов Кавказа [9, 203].

В горном Дагестане появились небольшие гарнизоны турецких солдат, а в Чечню и Ингушетию для антирусской агитации был командирован Шукри-бей. Первоначально турки ограничивались разговорами об исламской солидарности в борьбе с «гяурами», но в дальнейшем перестали заигрывать с местными народами, и их тон приобрел приказной характер. У горцев появилась прекрасная возможность сравнить то, как относилась к ним российская администрация и как повели себя османы. Они начали военную мобилизацию для укомплектования из местных призывников своей 12-й пехотной дивизии, тех, кто пытался уклониться от этого, подвергали наказанию, вплоть до смертной казни. Неудивительно, что даже их ярые сторонники быстро изменили свое мнение о таких «освободителях» [6, 211-212]. Представляется, что эти уроки сыграли свою роль в сохранении пророссийской ориентации у народов Северного Кавказа и в дальнейшем определили их отношение к власти коммунистов, которые фактически стали историческими правопреемниками империи.

Казачество оказалось неготовым к самоорганизации в сложившихся экстремальных условиях. Раздираемые противоречиями и занятые внутренними конфликтами казаки оставались равнодушными даже к таким громким происшествиям, как гибель их первого выборного атамана М.А. Караулова, убитого солдатами-фронтовиками на станции Прохладной в декабре 1917 г., захват в плен ингушами и мученическая

смерть заместителя атамана Л.Е. Медяника в начале 1918 г. Тем не менее, настойчиво звучали призывы с оружием в руках остановить этнический криминальный разгул, и с этой целью предполагалось привлечь на свою сторону иногородних, осетин, кабардинцев и балкарцев. Такие настроения витали на созванном в конце января 1918 г. в Моздоке I съезде трудовых народов Терека, при созыве которого Организационное бюро не без революционного пафоса заявляло, что «контрреволюционеры не дремлют, они мобилизуют все темные силы, чтобы в потоках крови, в грабежах, убийствах и пожарах задушить революцию... Провокационная деятельность контрреволюционеров создала национальное движение туземных народов области — чеченцев и ингушей, вызвала кровавый пожар войны. Кровавый вихрь уже пронесся по Сунже, он уничтожил на своем пути целые станицы, села, хутора, он пахнул своим разрушительным дыханием на города. Грозный разгромлен, промыслы, имеющие государственное значение, сожжены, Владикавказ горит, многие станции железной дороги частью сожжены, частью разрушены, полотно во многих местах попорчено» [10, 27]. Однако реальной силы для пресечения этнической криминальной волны в регионе не оказалось. В итоге все ограничилось требованиями прекратить грабежи, выдать виновников в разбойных нападениях, вернуть оружие из разграбленных арсеналов [10, 39]. Стоит ли говорить, что, неподкрепленные реальной силой, они не были выполнены.

Между тем ситуация все больше накалялась. В дни работы II съезда в Пятигорске разгорелись ожесточенные бои между казаками и чеченцами в районе станиц Романовской и Ермоловской. Отмечалось, что «наступление

ведено было организованно, очевидно, под руководством фронтовиков» [6, 293]. Можно предположить, что здесь не обошлось без всадников «Дикой дивизии», получивших необходимый опыт в рядах российской армии. Нападения из засад вообще учету не подлежали, т.к. происходили ежедневно. Особенно доставалось Владикавказу, ставшему «объектом еженощных грабительских атак ингушей» [6, 160].

Каждый раз левые партии заявляли, что причины столкновений кроются в привилегиях казачества, доставшихся ему от свергнутого режима. Активно муссировался вопрос о «справедливом перераспределении земель». На 3-м съезде трудовых народов Терека принимается решение переселить казаков из станиц Сунженской, Аки-Юртовской, Тарской и Фельдмаршальской [10, 331]. Это спровоцировало погром станицы Тарской ингушами. Возмущенное терское казачество требовало наведения порядка и считало большевиков одной из сил, провоцирующих беспорядки в регионе. Симпатии казачества все больше склонялись на сторону противников, и в конце июня 1918 г. на Тереке начинается восстание. Но, как показали дальнейшие события, «лишь в первые недели восстания у казаков ощущался моральный подъем, вызванный ожесточением против притеснений большевистской власти и горских разбоев. Но вскоре казачество вернулось в прежнее сонное состояние, безответственность, усталость от войны. Восстание, разгоревшееся в страдную пору, грозило гибелью урожая и неминуемым последующим голодом» [6, 166]. В такой ситуации поражение было лишь делом времени.

Попытка занять Владикавказ закончилась провалом. В письме к своей жене Зинаиде Гавриловне Григорий

Константинович (Серго) Орджоникидзе, принимавший участие в очередном, IV съезде народов Терека делился впечатлениями о происходившем: «Борьба стала принимать жестокий характер. Не останавливались перед взрывами тех домов, из которых стреляли. Так продолжалось одиннадцать дней... после чего мятежники принуждены были бежать...

После этого, при помощи ингушей, мы обложили четыре станицы и разоружили их... Упорная борьба продолжается. Завтра утром еду в Кабарду на съезд (3.IX)... На днях там в станице Змейской расстреляли Пашковского, его жену и несколько товарищей. Кабардинцы возмущены этим поступком казаков и готовятся нагрянуть на них» [11, 208].

Надо отдать должное большевикам, они были на голову выше своих соперников. Их социальный проект «оказался вне всякой конкуренции, поскольку он провозгласил высшим законом благо простых тружеников, противопоставив интернационал угнетенных, где нет «ни эллина, ни иудея», интернационалу угнетателей. Проведя четкую линию социального размежевания, большевики за счет этого ослабили межэтнические противоречия до беспрецедентного уровня» [12, 38].

Для борьбы с казачеством большевики первое время использовали военный потенциал горцев, поспешивших расправиться со своими соседями-конкурентами. Такую коалицию их противники называли блоком с «дикими». Представляется оправданной оценка, что подобный «союз имел тактический характер и был жизнеспособен, пока велась борьба с казачеством» [6, 170].

Сергей Миронович Киров, оценивая шаги своей партии, высказывался без эвфемизмов: «На Северном Кавказе...

мы действовали умело. Мы создали там Анархию, возбуждая одну группу [населения] против другой — и старались в это время организовать рабочих. И это нам удалось» [9, 251].

Впрочем, война-войной, но о выгоде не забывали даже тогда. Нередкими были случаи, когда казаки и большевики покупали патроны у чеченцев, охотно зарабатывавшими на этом ходовом товаре [9, 173]. Г.К. Орджоникидзе сетовал, что «шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей» [13, 66]. А его супруга вспоминала, как он прикупил в Назрани «у какого-то старика несколько ящиков патронов» [11, 222]. Откуда у старца появился такой товар, можно лишь догадываться. Видимо, он неплохо в свое время поживился на грабеже воинских складов и железнодорожных составов и теперь мог «послужить» делу революции... Сами чеченцы нередко умудрялись числиться в организованном у себя ополчении и в рядах регулярной Красной Армии, где получали жалование, но фактически не служили [8, 56-57]. Вообще, как отмечали сами большевики, «революционный энтузиазм» горцев подпитывался ими методами материального стимулирования. Звучали даже предположения, что «если сюда... будет переброшена крупная сумма денег (от 90 млн до 100 млн руб.), то здесь власть Добровольческой армии можно ликвидировать за два месяца» [8, 69]. Аналогично будут действовать и их политические оппоненты [14, 145].

Дезорганизация власти привела к возрождению привычного вектора горских набегов в сторону Грузии. Позабывшая «за гранью дружеских штыков» о лекианобе, она вновь столкнулась со случаем захвата людей на своей территории. Недаром среди требований нового грузинского правительства было

озвучено возвращение пленных [15, 40]. В ответ на это большевики в лице Орджоникидзе на экстренном заседании Терского народного Совета состоявшемся 24 июля 1918 г. фактически сняли с себя всю ответственность за происходившее, выдвинув заведомо невыполнимые условия: «...грузинское правительство настаивает на том, чтобы ему были возвращены пленные, но пусть тогда оно представит список лиц, перешедших границу Грузии, и появившимся у нас в Терской области «пленным» будет оказано содействие при выезде...» [13, 41]. Представляется, что здесь Серго не лукавил, а излагал реальную картину возможности советской власти помочь грузинам. Большевики не могли повлиять на ту часть горского населения, которое вернулось к традиционному набеговому промыслу, и искать пленных нужно было у них, а не на территории подконтрольной Терской республики.

Сам Серго Орджоникидзе вынужден был призывать «сознательных» горцев прекратить заниматься разорением телеграфных линий, на которых предприимчивые ингуши повадились воровать провода. Пытаясь придать этому политическое звучание, он говорил, что «между Назранью и селением Плиево уже несколько раз перерезываются провода, и это в то время, когда Советская власть каждый провод ценит на вес золота. Это делается в военное время, и я знаю, что это по наущению «горского правительства» делают за деньги его агенты — отдельные ингуши. Это делается в расчете на то, что Советская власть в наказание за порчу проводов нападет на ближайший аул, а после этого те же самые агенты «горского правительства» подымут вопль, что вот большевики в союзе с казаками бьют мусульман, бьют ингушей. Ведь я

знаю, какой воспламеняющийся материал чеченцы и ингуши, и я принимаю все меры к тому, чтобы красноармейцы не поддались на удочку этих агентов. Я помню, как грозненская Красная Армия требовала разгрома аула Алды, как контрреволюционного, где спасались казачьи генералы, откуда снабжались патронами и продовольствием контрреволюционные казачьи банды» [11, 210]. Видимо, в заключительных словах скрывалась угроза применить силу против хищников, но реальных возможностей для этого большевики не имели. Кроме того, они были кровно заинтересованы в поддержке горцев, тем более что ситуация на фронтах гражданской войны складывалась явно не в их пользу.

Выступая в октябре 1918 г. в Назрани перед представителями Съезда ингушского народа, Орджоникидзе призывал помнить, что «свобода — прелестный дар, но надо уметь и обращаться с ней. Свобода прелестна, если при ней порядок. Если все поймут свободу как насилие, то это не свобода, а общественное несчастье» [13, 47]. В верности своих слов он чуть было не убедился на собственном примере, когда столкнулся с представителями всадников бывшего Ингушского полка, потребовавшими от него денег за свою службу в «Дикой дивизии». Лишь защита со стороны делегатов съезда, потребовавших уважения статуса Орджоникидзе, как гостя спасло его от расправы.

В начале 1919 г. Добровольческая армия начинает занимать территорию Северного Кавказа и почти сразу сталкивается с необходимостью наведения здесь если и не порядка, то хотя бы обеспечения относительной безопасности для своих коммуникаций и для тех местных жителей, на поддержку которых они рассчитывали. В Чечню были

направлены войска под командованием генерала Д.П. Драценко. Командование ВСЮР попыталось жесткими методами навести порядок в горских районах и пресечь нападения на терские станицы. Тон приказов говорил сам за себя: «...селения будут беспощадно истреблены без всяких предварительных предупреждений и условий» [6, 136]. Но добиться успокоения так и не удалось, а красные получили дополнительные аргументы в борьбе против своих соперников. О драматизме и размахе происходивших здесь событий говорит тот факт, что «военные действия войск ВСЮР против горско-большевистских повстанцев тогда называли второй кавказской войной» [5, 94].

Отступавшим в поисках спасения в горы большевикам, впрочем, также пришлось не сладко. Из Грозного на сорока подводах они попытались вывезти ценности, чтобы те не попали в руки белогвардейцев. Однако «обоз двигался медленно по обледеневшим горным тропкам. Контрреволюционные чеченцы из аула Ачхой-Мартан не раз нападали на него, грабили ценности, а красноармейцев убивали», вспоминала З.Г. Орджоникидзе [11, 223]. Сомнительно искать в таких действиях контрреволюционную подоплеку. Горцы не обременяли себя высокими политическими мотивами, а привычно охотились за добычей, которая сама шла к ним в руки.

Причудливая коалиция сложилась в Дагестане. Для борьбы с деникинской угрозой здесь объединились националисты, панисламисты, пантюкисты и большевики. Был создан Совет Обороны, который возглавил шейх-уль-ислам Али-Хаджи Акушинский [8, 60]. Пока существовала спланирующая эти силы опасность, об идейных разногласиях предпочитали не вспоминать, хотя ил-

люзий никто не строил. Как только с белыми будет покончено, вчерашние соратники должны были превратиться в непримиримых врагов.

Часть формирующейся новой горской элиты видела в духовенстве своих конкурентов в деле борьбы за умы соплеменников, демонстрируя секулярное сознание. Так, отличавшийся своим радикализмом А. Шерипов в обращении к чеченцам заявлял: «Чеченцы, вы хвалитесь тем, что у вас не было и нет князей. Неправда! Шейхи, муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не нашим трудом живут они?» [9, 211]

Но пока это время не наступило, под союз с безбожниками подводилась соответствующая идейная база о единстве ислама и коммунизма [8, 65-66]. В этой связи видится весьма символичным мнение Назира Адильгиреевича Катханова, который, будучи сыном мусульманского священнослужителя, имея духовное образование, являясь одним из организаторов Шариатских отрядов, заявлял, что программа ВКП(б) и Коран проповедуют одни и те же истины [9, 213].

«Дружили против» ВСЮР большевики Чечни и Северо-Кавказское эмирство шейха Узун-Хаджи. Последний будучи сподвижником легендарного имама Шамиля уже в силу возраста не мог адекватно воспринимать ситуацию. Этим пользовалось его окружение, в частности бывший ротмистр И. Арсанукаев-Дышинский, который активно эксплуатировал нравственный авторитет шейха для удовлетворения собственных амбиций [16, 100-103]. Этот человек с замашками авантюриста создал пять отрядов, которые назвал «армиями», наиболее боеспособными из них оказались скрывающиеся в горах сторонники большевиков. Те в конечном итоге и решили судьбу Арсанука-

ева-Дышинского. После смерти Узун-Хаджи весной 1920 г. он был арестован и расстрелян большевиками.

Говорить об особом коварстве большевиков вряд ли правомочно. Все стороны конфликта стремились использовать потенциал временных союзников. Коалиции то возникали, то разрушались. Да и многие лидеры северокавказских коммунистов далеко не ортодоксально воспринимали происходившее. Так, Асланбек Шерипов, известный чеченский большевик, до конца своей жизни «пребывал под сильнейшим очарованием абреческой романтики, переводом и адаптацией которой на русский язык он занимался в юношестве» [8, 67]. Он пробовал писать стихи, отражающие его мировоззрение, суть которого лучше всего передают следующие строки: «Так русский средь боя / Пред нашим падет; / И смелой рукою / Чеченец возьмет / Броню золотую / И саблю стальную, - И в горы уйдет» [9, 198]. Взять добычу и скрыться в горах... В этой связи он, как представляется, мог без труда найти точки соприкосновения со своими традиционалистами-соплеменниками. Трудно обнаружить «пролетарский интернационализм» в следующем жизненном кредо этого пассионария: «Чеченцев и ингушей и, вообще, горцев, я люблю больше всего в жизни [...] и все принесу в жертву для них. [...] ...Твердо могу сказать: не найдется такой силы, которая могла бы победить во мне любовь к моим братьям горцам и изменить мое настроение в отношении к жизни и способу проявления себя» [9, 206].

Но далеко не все горцы поддерживали красных. Сохранились свидетельства их враждебного отношения к советской власти. Например, в 1919 г. отряд Гикало, несмотря на угрозу со стороны белых вынужден был пере-

браться на равнину, т.к. его нахождение в селении Шатой стало невозможным из-за противодействия местных чеченцев [8, 72]. Часть туземного населения была привлечена на службу в ряды Вооруженных сил Юга России [17, 74]. В частности, была сформирована Чеченская конная дивизия, создание которой началось 27 марта 1919 г. с обращения к местным жителям генерала Э. Алиева, назначенного правителем Чечни после подавления там волнений. Призыв генерала поддержали на съезде чеченского народа, собравшегося в Грозном 29 марта 1919 г. Предполагалось, что новое подразделение будет содержаться за счет казны.

Вместе с тем у белых генералов присутствовали довольно скептические оценки по поводу перспективы такого начинания. Отмечалось, что лояльность населения Чечни будет искренней лишь в том случае, если оно «действительно выдаст оружие и агитаторов и выставит в ряды Добровольческой армии в знак своей полной лояльности дивизию совершенно определенного числа шашек. Формирование дивизий не может происходить в пределах Чечни, где чеченцы должны собираться лишь в отдельные сотни и в таком виде направляться к пункту формирования» [5, 95]. Последняя оговорка весьма примечательна. Видимо, командование опасалось, что новоявленные добровольцы могут дезертировать, прихватив казенное имущество, а то и вовсе выступить против вчерашних союзников.

Местом формирования дивизии, командиром которой назначили А.П. Ревина, стал город Святой Крест. Уже в конце мая 1919 г. Чеченская конная дивизия в составе трех полков двинулась в свой первый поход, войдя в группу войск генерала Драценко, направлявшегося под Астрахань. Спустя неделю

она понесла первые довольно серьезные потери. Погибло 92 всадника, а 150 получили ранения. Еще один бой, произошедший 18 июня, привел к гибели более трети личного состава Второго полка. Следствием этих событий стало массовое дезертирство чеченцев, которые устремились домой, и даже самые суровые меры (расстрелы) не могли остановить этот процесс. Остатки дивизии вернулись в Ставрополь, где прошли переформирование. Проблемой для дивизии был подбор офицерских кадров. Их приходилось назначать из числа русских. И вообще вопреки названию в дивизии служили казаки, кумыки, ногайцы, калмыки [5, 95-97].

Мобилизация чеченцев в ряды ВСЮР проходила непросто. Приходилось уговаривать, убеждать, а то и наказывать их за срыв мобилизации. Офицеры, откомандированные для этой работы, не раз рисковали своими жизнями, т.к. в глазах своих подчиненных и их соплеменников они были желанной добычей, за которую можно было получить выкуп. Известны случаи, когда их увозили в горы. Свою роль сыграла пропаганда, проводимая большевиками и людьми Узун-Хаджи.

Справедливости ради следует отметить, что и красные не рисковали общаться с горцами без надежных проводников и покровителей [11, 213-214]. Случалось, что большевиков истребляли местные жители, которые не сильно задумывались о «классовой солидарности» [8, 228].

Красноречивым представляется вывод генерала Драценко, который после нашумевшего бунта чеченских дезертиров в Кизляре в июле 1919 г. писал, что, «принимая во внимание поведение чеченцев в боях и в тылу, считаю необходимым чеченскую дивизию формировать в средней России или совер-

шенно отказаться от формирования, распустить уже призванных, назначив денежную повинность» [5, 97]. Но перевод небоготовой части к новому месту дислокации мог еще больше осложнить ситуацию. Число дезертиров росло с каждым днем, тем более что начавшееся восстание в нагорной Чечне и Дагестане привело к усилению антиденикинской пропаганды. В рапорте от 3 сентября 1919 г. начдив Ревшин докладывал о депутации «лучших чеченцев», которые просили его увезти часть подальше от Чечни.

После того как дивизию перевели дальше на север, бегство всадников прекратилось. В составе дивизии было три чеченских и один кумыкский полки, личный состав которых выглядел, по мнению генерала Ревшина, куда лучше прежнего. Это объяснялось тем, что первоначально полки комплектовались из числа добровольцев, а затем прибегли к «разверсточному» принципу, что позволило привлечь в их ряды преимущественно молодежь призывного возраста. Решено было использовать Чеченскую дивизию в борьбе с Революционно-Повстанческой армией Н.И. Махно. В этой операции дивизия участвовала с сентября по декабрь 1919 г., оставив после себя далеко не однозначную «славу». Повторялось то, с чем уже сталкивалось русское командование во время Первой мировой войны. Горцы, которых использовали в карательных акциях, неоднократно были замечены в грабежах [18].

И в дальнейшем отношение белых генералов к таким формированиям не изменилось, что нашло отражение в воспоминаниях участников Гражданской войны. Так, они заслужили далеко не восторженную характеристику генерала Я.А. Слащева. Говоря о чеченцах, он отметил, что, находясь в «тылу,

они так грабили, что не было никакого сладу», но в реальной боевой обстановке разбежались после первого же удара красных. Это привело к конфликту Слащева с их командиром генералом Ревизиным, который «до боя на все мои заявления о грабежах возражал, что грабежи не доказаны и что в бою горцы спасут все, причем ссылаясь на авторитеты, до Лермонтова включительно. Я же сам был на Кавказе и знаю, что они способны лихо грабить, а чуть что — бежать» [19, 56-57]. Последнее свидетельствует отнюдь не о трусости чеченцев, а об отсутствии мотивации в проявлении воинской доблести и упорства ради абстрактных и не сулящих добычи идеалов.

В воспоминаниях А.И. Деникина имеются весьма резкие и лишённые эвфемизмов характеристики и других горских народов, в частности, ингушей. Генерал отмечал, что «наименьший по численности и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа. Моральный его облик определен был давно уже учебниками географии: «Главный род занятий — скотоводство и грабеж...» Последнее занятие достигло здесь особого искусства. Политические стремления исходили из той же тенденции. Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская, однако же, проявления ее в своем крае. Одновременно они старались завязать сношения с Турцией и искали турецкой помощи из Елисаветполя, немецкой — из Тифлиса. В августе, когда казаки и осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли Терский совет комиссаров, но при этом жестоко разграбили город и захватили государственный банк и монетный двор. Они

грабили всех соседей: казаков и осетин во имя «исправления исторических ошибок», своего малоземелья и чересполосицы; большевиков — в уплату за свои труды и службу; кабардинцев — просто по привычке и владикавказских граждан — за их беспомощность и непротивление.

Их ненавидели все, а они занимались своим «ремеслом» дружно, широко, организованно, с большим размахом, став наиболее богатым племенем на всем Кавказе» [20, 139].

Ему вторит и другой участник Гражданской войны — А.Г. Шкуро. По мнению атамана, обиженные прошлой властью ингуши не имели достаточного количества земли, а потому «жили грабежом и набегами на казачьи земли. Еще в мирное время пограничные с Ингушетией терцы не выезжали в поле без винтовок. Не проходило дня, чтобы не было где-нибудь стрельбы и кровопролития» [21, 203]. Правда, «белый партизан» оказался плохим знатоком истории, приписав ингушам активное участие в «Кавказской войне», но его свидетельства о ситуации на Тереке в 1919 г. весьма красноречивы и показательны.

Тем не менее, командование Добровольческой армией пыталось воспользоваться военным потенциалом ингушей для пополнения своих рядов. Согласно первоначальному замыслу предполагалось сформировать из них конную дивизию и два батальона пластунов. Но на практике мобилизация постоянно срывалась, и пришлось даже использовать заложников, чтобы набрать необходимых людей. Подобные меры вызывали вооруженное противодействие со стороны местного населения, уже мобилизованные всадники покидали свою часть и уходили по домам. Те же, кто сделал выбор в пользу ВСЮР, подвергались преследованиям

со стороны своих соплеменников, а некоторые даже лишились жизни.

Кое-как собранную Ингушскую бригаду в составе Сводно-Горской конной дивизии отправили на Царицынский фронт, но польза от нее была весьма сомнительной. Сражаться с красными ингуши не хотели и либо переходили на их сторону, либо дезертировали. Зато у себя в тылу белые получили серьезную «головную боль». К примеру, по словам генерала А.А. фон-Лампе, «сегодня (20 июля (2 августа) 1919 г. — Ю.К.) адмирал Бубнов рассказал о подвигах Сводно-Горской дивизии, бегающей от конницы Буденного — в деревне где живет семья Бубнова за одну ночь оказались изнасилованными «освободителями» 14 девушек, одна из них убита. Хорошо для репутации ДобRARмии. Их исправить совершенно невозможно, да и к тому же и Начдив Гревс слишком слаб. Необходимо расформировать этих мерзавцев или они дискредитируют всю Армию» [5, 103].

Не было единства в оценке происшедшей в России междоусобицы и среди карачаевцев. К ним в селения в поисках защиты устремились многие казаки, опасавшиеся расправы со стороны большевиков. Там, у своих кунаков, по словам очевидца ген.-м. М.А. Фостикова, они находили приют, но одновременно тяжелым положением беглецов «пользовался разбойничий элемент Карачая. Многие были ограблены или погибли от рук разбойников. Сохранились главным образом казаки, имевшие знакомых среди карачаевцев и знавшие местность» [22, 82]. Своих сторонников среди карачаевцев имели и красные. Через них они старались обнаружить и расправиться со своими противниками, что свидетельствует о расколе внутри горцев, которые настолько успели интегрироваться в российскую государ-

ственность, что вместе с остальными ее народами оказались перед нелегким выбором, порожденным Гражданской войной.

Смутой пользовались все стороны конфликта. Повсеместно процветали грабежи и разбои, в которых участвовали и казаки и горцы. В своих мемуарах Фостиков вспоминал, что все леса были заполнены партиями казаков, которые «занимались разбоем, грабя всех, кто попадался им под руку» [22, 86]. Когда ему удалось собраться с силами и организовать отряд для борьбы с большевиками, то к нему «по дороге пристало много карачаевских «шакалов» - грабителей, и поэтому при захвате общежитий произошел грабеж и убийство ими всех большевиков...» [22, 92]

Этот факт отнюдь не демонстрировал приверженность карачаевских набегчиков идеалам белого дела. В обращении Фостикова к полковнику Крым-Шамхалову в сентябре 1920 г. говорилось, что «карачаевцы находят полезным сейчас заниматься ограблением кабардинцев и казаков; открыто днем нападают в тылу у меня и грабят мирных жителей и угоняют скот. <...> Я изнемогаю в боях, а горцы сидят за моей спиной и только наблюдают. Им нравятся коммунисты. Прошу внушить карачаевцам не чинить препятствий командам донцов и терцев, направляющимися ко мне. Недавно партия донцов была заведена карачаевцами в горы и ограблена...» [8, 332]. Как видно из приведенных свидетельств, о политике здесь думали меньше всего.

Для местных жителей это было вполне обычным явлением и не подлежало осуждению. По словам Ф.И. Елисеева, крупного военного историка и мемуариста русского зарубежья, который являлся участником событий гражданской войны на Кавказе, «хопер-

цы живут меж горцев и от них многое восприняли, насчет «карапчить» (т.е. воровать. — Ю.К.) и другие отрицательные замашки в европейском понимании. Но в понятии горца и казака они только похвальные, как молодчество всякого джигита» [22, 315].

В первое время для большевиков была характерна упрощенная трактовка причин этнических конфликтов на Кавказе, которую сводили исключительно к земельному вопросу, спровоцированному прежней властью [23, 15]. В одном из выступлений Орджоникидзе по этому поводу говорилось следующее: «Лет 50-60 тому назад царское правительство выгнало горцев из насиженных мест, аулы горцев и их земли были представлены завоевателям-казакам. В течение всего этого периода царское правительство сознательно разжигало ненависть между горскими народностями, натравливая их одну на другую. Поэтому разрешить земельный вопрос и восстановить национальный мир на Северном Кавказе можно было только выселением казаков с захваченных ими мест и передачей этих земель горцам. И наша партия твердо разрешила этот сложный вопрос. Станицы Сунженская, Тарская, Фельдмаршальская, Романовская, Ермоловская и др. были освобождены от казаков и переданы безземельным горцам — ингушам и чеченцам. Таким образом для этих двух народностей земельный вопрос был разрешен удовлетворительно. В меньшей степени этот вопрос был разрешен для осетин, которые получили только некоторые прирезки» [11, 279]. Аналогичные шаги предпринимались и в Дагестане. В докладе на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа в октябре 1920 г. Орджоникидзе, подводя промежуточные итоги

отмечал, что «в Дагестанской области было 327191 десятина, получено 48 тысяч и 30 тысяч будет еще получено в связи с выселением казачьих станиц» [13, 131].

Кроме изъятия земель у «казачьих эксплуататоров» были и другие варианты. Перераспределить землю в свою пользу требовали карачаевцы от кабардинцев, грозя в случае невыполнения их пожелания кровопролитием [24, 8].

По словам С.И. Кавтарадзе, «Терская область представляет собой оригинальнейшее явление. Здесь национальная борьба почти совпадает с классовой. Ингуш борется с казачком не потому, что он казак, а потому, что ингуш безземелен, обездолен, а казак владеет землею. И правильна политика советской власти, если она опирается... на ингушей и чеченцев. В этом не виноват ни ингуш, ни казак. Это последствие проклятой царской политики, которая из казаков устраивала здесь свои баррикады» [8, 152]. О том, что казачья колонизация Кавказа носила вынужденный характер и была обусловлена необходимостью пресечения среди прочего и набеговой стихии, предпочитали не вспоминать [25, 161-162]. Время для осознания этого факта еще не пришло, и новая власть находила для себя удобные трактовки, разъясняющие суть конфликтного потенциала региона [25, 80].

Сомнительность такого подхода оспаривалась уже до революции [26], но дополнительным подтверждением неправомочности столь однозначной и безапелляционной трактовки побудительной причины абречества стали события Гражданской войны и политика большевиков, направленная на перераспределение казачьих земель в пользу горского крестьянства. Оказавшись на равнине, горцы приступили к дикому грабежу станиц, отнюдь не то-

ропаясь переселяться на новые места. Получив возможность заниматься земледельческим трудом, они не воспользовались этим, предпочитая реквизировать казачье добро. Отмечалось, что «даже разверстка скотом горцами всех национальностей выполнялась очень плохо» [24, 330]. Закончилось это тем, что бывшие казачьи земли в руках новоселов, чья «вековая мечта» наконец осуществилась, «приходили в упадок и запустение» [27, 89]. Не без помощи советской власти с 1918 г. чеченцами и ингушами было разорено 11 станиц, в которых находился 6661 двор, многочисленные хозяйственные постройки, сады и т.п. Однако на «зачищенное» от казаков место вселилось лишь 750 горских хозяйств [28, 147-148].

А вот, что сообщалось в «Протоколе заседания по вопросу о переселении горцев в освобожденные от повстанцев станицы Ермоловскую, Закан-Юртовскую, Самашкинскую и Михайловскую» от 28 апреля 1921 г., где присутствовали знаковые фигуры из числа кавказских революционеров — председатель отдельного исполкома Иоанисианни, заместитель председателя Чеченского окружного исполкома Шерипов, член Чеченского исполкома Г. Хасанов, председатель от областного земотдела Джантемиров: «Донести телеграфно исполкому о том, что все меры, принятые в Веденском и Шатовском районах о переселении горцев в названные станицы не достигли желаемых результатов, и с названных районов нам никаких сведений о желании заселить станицы горцами не имеется» [28, 160].

Зато с избытком хватало других сведений. В августе 1922 г. на имя Народного комиссара внутренних дел был отправлен рапорт «О массовых разбоях и грабежах в Сунженском округе со сто-

роны жителей чеченцев и ингушей», содержащий следующие факты: «Грабежи осуществлялись как ночью, так и днем в станицах Слепцовской, Троицкой, Фельдмаршальской, Ассиновской, Серноводской, хут. Давыденко.

За время с 15 июня по 1 августа 1922 г. было уворовано 14 лошадей, 4 коровы и бык, а с 1 августа по 1 сентября было уворовано 149 лошадей, 23 коровы и быка, 23 улья с пчелами, убито 3 человека, ранено 2 человека, взято в плен 4 человека, избито прикладами — 2 человека, изнасилована женщина. Было разграблено 4 молотильные машины, забрано 5 фургонов, ограблено 58 млн. рублей. В Серноводской милиции похищено 20 шт. винтовок, 1800 шт. патронов, 25 человек раздето наголо» [29, 162]. И это далеко не исключительный факт, а один из многих документов, характеризующих ситуацию на Северном Кавказе в рассматриваемое время.

Отмечается, что «казаков начали выселять в 1918 г. В 1920 г. выселение продолжили, причем выселяли из станиц, предназначенных для переселения, поголовно все население, даже семьи красноармейцев, чем нанесли большую обиду людям, разорили их налаженное хозяйство, не решили земельного вопроса, не установили мир на Тереке, напротив, произошло резкое обострение отношений горцев с казаками» [14, 39]. Депортации подверглось примерно 25 тыс. человек, а всего покинуло свои станицы около 35 тыс., которые в процессе переселения подверглись нападениям и грабежам [14, 44, 84].

Большевики, долгое время использовавшие специфичный военный уклад местных народов и восторгавшиеся поголовным вооружением горцев [30], должны были в итоге применить самые жесткие меры, чтобы пресечь не поддающийся контролю бандитизм и анти-

правительственные выступления [21, 117-133; 32, 156]. Их действия мало чем отличались от тех мер, которые вынуждена была применять царская администрация, стремясь обеспечить «умиротворение» этих мест. Когда началось отрезвление от революционного популиз-

ма, зазвучали слова о необходимости использовать прежний опыт в борьбе с проявлением хищничества [11, 281]: физическое уничтожение «непримиримых», изъятие оружия, поощрения и амнистия тем, кто соглашался признать новую власть.

1. Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны / Сост. и вступит. статья А.Х. Кармова. Нальчик, 2006.
2. Блиев М.М. Осетия, Кавказ: история и современность: Сборник научных трудов. Владикавказ, 1993.
3. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
4. Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 47-57.
5. Посадский А.В. Чеченцы в вооруженных силах Юга России: к истории Чеченской конной дивизии // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 94-107.
6. Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917-1919. М., 2011.
7. Булгаков М.А. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1997. Т. 1.
8. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918-1945 годы. М., 2007.
9. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2010.
10. Съезды народов Терека: Сборник документов и материалов. В 2-х т. Орджоникидзе, 1977. Т. I.
11. Орджоникидзе З.Г. Путь большевика: Страницы из жизни Г.К. Орджоникидзе. М., 1986.
12. Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. М., 2006.
13. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. М., 1956. Т. I.
14. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах [электронный ресурс]. URL: <http://www.ainros.ru/ainst/t1/jupikova.pdf> (дата обращения 1.04.2012).
15. Съезды народов Терека: Сборник документов и материалов. В 2-х т. Орджоникидзе, 1978. Т. II.
16. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1991.
17. Теребов О.В. Армии Деникина до и после разгрома // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 73-75.
18. Витт де Д. Чеченская конная дивизия [электронный ресурс] // Звезда.

2002. №4. URL: <http://www.makhno.ru/forum/archive/index.php/t-136.html> (дата обращения 1.04.2012).
19. *Слащев-Крымский Я.А.* Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990.
20. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: В 3 книгах. Книга 3. Т. 4, 5. Вооруженные силы Юга России. М., 2003.
21. *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004.
22. *Дневники казачьих офицеров* / Сост., науч. ред., предисл., приложения, коммент., подбор илл. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004.
23. *Бекузаров Х.Х.* Свободы луч, игравший на штыках. (Революционное движение в войсковых частях на Тереке в 1905-1907 гг.). Орджоникидзе, 1976.
24. *Русские на Северном Кавказе. 20-30-е годы. Документы, факты, комментарии* / Предисл., сост., коммент. А.М. Гонова. М., 1995.
25. *Матвеев В.А.* Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Ростов н/Д, 2011.
26. *Ткачев Г.А.* Казаки и туземцы в Терской области. По поводу толков о казачьем многоземелье и забижании туземцев. Владикавказ, 1910.
27. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998.
28. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М., 2004.
29. *Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917-1940 гг.* / Под ред. Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова. Нальчик, 1999.
30. *Серов Ф.* Нохчи-турпал (чеченские богатыри). Краснодар, 1927.
31. *Степаков В.* Битва за «Норд-Ост». М., 2003.
32. *Гатагова Л.С.* Революция 1917 г. и этнополитическая ситуация на Кавказе // История народов России в исследованиях и документах. М., 2004. С. 155-162.